

Русская литература начала XXI века

Юрий Франк – пейзажная лирика

Болезнь роста

Земля в лихорадке... Апрельской порою
днём в жар бросит резко, морозит ночами.
Диагноз — весна, и листок не закроет
больничный никто, никакими врачами
не будут рецепты даны на лекарства.
Болезнь роста кончится зрелостью лета.
А осенью будут апреля мытарства
казаться деньками счастливого бреда.

Осень

Желтеет трава и краснеет листва,
печаль в ярких вспышках пейзажа.
Вокруг разгорается пламя костра
среди дымки тумана, а сажа
из грязи дорог на моих сапогах.
И зеркало моря сереет
Под пепельным взглядом небес... На глазах
у нас только осень умеет
поджечь этот мир... Ну, а искры летят
из углей осенних закатов —
в сердца, что теплее, нежнее горят
любовью в сезон листопадов.

Снотворная погода

Снотворная погода.

Как гири стали веки.

В глазури гололёда

асфальтовые реки.

Рой белых мух-снежинок

кружится в диком танце.

За стёклами машины —

деревья-оборванцы

мелькают в небе хмуром.

Ноябрьская пора,

нет, не идёт, — прёт буром.

И с самого утра

асфальтовые реки

в глазури гололёда.

Как гири стали веки, —

снотворная погода.

Последняя декада октября

Деревья оголённые, — как нервы,
прошили плоть бесцветную небес,
и травы сединой покрылись первой...

Шарм осени рассыпался, исчез.

Плаксива, холодна теперь природа,
старухой нервной смотрит, жизнь коря.

Смурная и дождливая погода,
последняя декада октября.

До весны не будить!

Отдыхает земля, спит спокойно
под слежавшимся пухом снегов.
Сон, не смерть... О зима, мне так вольно,
на просторах твоих я оков,

как во сне, на душе и не чую.
Воздух чистый, морозный бодрит.
Хоть, признаться, тебя не люблю я,
мне по нраву скупой колорит

спящей мирно природы... Твой холод
бросит в дрожь, нарумянит лицо.
Пусть давно я уже и не молод,
краснощекиком стою молодцом

пред тобой, о зима... Мне так вольно,
не волнуется сердце в груди,
не тоскливо ему и не больно.
Сон, не смерть... До весны не будить!..

Золотая листва, золотая...

Золотая листва, золотая,
и видны сквозь неё небеса. —
То осенняя старость святая
прикоснулась к деревьям, кустам.

Старость та не мрачна, не глубока,
не костлява ещё, а мудра,
как душа, погулявшая много
и уставшая чуть... Мне пора
эта по сердцу больше, чем лето.
Грусть и память — приволье души.
На вопросы найдутся ответы,
и задачи возможно решить,
призадумавшись... Через синь неба
в никуда устремив слабый взор,
я как вкопанный встану нелепо,
и прервётся пустой разговор.

В цвет разлуки оделась листва...

В цвет разлуки оделась листва...

Хоть конец — лишь преддверье начала,
слёз и грусти полна голова,
и ворона уже прокричала,
предрекая печальные дни
расставания с красками жизни.

Поскорее меня обними,
вот-вот дождик, я чувствую, брызнет
мне на щёки... Смириться нельзя,
но приходится, как же иначе.

Все мы дети природы, скользя
по холсту её красками, плачем
и смеёмся, смешаясь смешно
с чьей-то капелькой жизни, а рамой
служит время... Такое кино,
эпизод комедийный за драмой
вечно следует, видишь, смеюсь... —

Так весна будет вновь за зимою.

В новой жизни тебя я дождусь,
и обнимемся жарко с тобою...

Уморилось море...

Уморилось море, вволю
штормом выход дав страстям.

И, увлѣкшись новой ролью,
в штиль ласкается к снастям,
что лежат на берегу, —
не достать волною.

Помирить я их могу,
подтолкну ногою

разобиженную сеть
с ячеей запутанной. —

Ей приходится терпеть
выходки беспутные.

Ведь не могут жить без моря
снасти, что скрывать. —

Хоть хлебнули много горя,
но простят опять.

Ссылки в интернете

Авторская мелодекламация:

<https://www.chitalnya.ru/work/2067380/>

Сайт книг автора:

https://ridero.ru/books/zamknutyi_krug/